

СТІВЕН КІНГ

СТИВЕН КИНГ

Команда скелетов

ACT
МОСКВА

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84 (7Coe)-44
К41

Серия «Темная башня»

Stephen King
SKELETON CREW

Перевод с английского

Компьютерный дизайн А.С. Черпакова

Художник В.И. Лебедева

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен

К41 Команда скелетов : [сборник рассказов, пер. с англ.] /
С. Кинг. — Москва: АСТ, 2014. — 639, [1] с. — (Темная
башня).

ISBN 978-5-17-084535-4

Смерть вторгается в повседневную жизнь, принимая разные обли-
чья. Смерть — это прекрасная девушка-бродяжка и невинная детская
игрушка, смерть — это престарелая бабушка и окутывающий город
серый туман. Смерть несет с собой блуждающая пуля и мирное озе-
ро, куда отправляются отдохнуть юные парочки. Смерть — это отча-
яние того, кто медленно подыхает от голода на необитаемом острове,
и того, кто постепенно начинает видеть круги Ада за кажодневной
реальностью...

«Команда скелетов» — потрясающие рассказы от мастера жанра!

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84 (7Coe)-44

© Stephen King, 1985
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

ТУМАН

Глава 1

БУРЯ

Вот как это произошло. В июле 19.. года, в ту ночь, когда на севере Новой Англии наконец прошла самая страшная за всю ее историю полоса жарких дней, в западном регионе штата Мэн разразилась невиданная по силе буря.

Мы жили на Лонг-лейк и заметили, как первые порывы бури бьют по глади озера перед самым закатом. За час до этого наступил полный штиль. Американский флаг, что мой отец повесил над нашим лодочным сараем еще в 1936 году, безвольно приник к штоку, и даже его края не колыхались. Жара стояла плотная, почти осязаемая и, казалось, такая же глубокая, как неподвижная вода в бухте. После обеда мы все втроем ходили купаться, но даже в воде не было спасения, если не уходить на глубину. Но ни Стеффи, ни я не хотели этого делать из-за Билли. Ему всего пять.

В полшестого мы перебрались на верхнюю террасу с видом на озеро и принялись за холодный ужин, без всякого энтузиазма ковыряя картофельный салат и пережевывая бутерброды с ветчиной. Никто, похоже, не хотел ничего, кроме пепси-колы, стоявшей в железном ведерке с кубиками льда.

После ужина Билли отправился играть на турникет. Мы со Стеффи продолжали сидеть на террасе, почти не разговаривали и курили, посматривая через угрюмое плоское зерка-

ло озера в сторону Харрисона на противоположном берегу. Деревья там стояли пыльные и пожухшие. На западе, словно армия перед наступлением, собирались огромные фиолетовые грозовые тучи, среди которых то и дело вспыхивали молнии. И каждый раз радиоприемник нашего соседа Брента Нортонна, настроенный на станцию, что постоянно передает с Вашингтон-хилл классическую музыку, откликнулся громкими раскатами статики. Нортон вел адвокатскую практику в Нью-Джерси, и на Лонг-лейк у него был только летний коттедж без печки и без утепления. Два года назад у нас с ним возник конфликт из-за границы участков, дело дошло до суда, и я выиграл. Нортон утверждал, что я выиграл только потому, что он нездешний, и с тех пор отношения между нами оставались довольно прохладными.

Стефф вздохнула и принялась обмахивать грудь верхним краем купальника. Не думаю, что ей стало намного прохладнее, но зато мне стало видно гораздо больше.

— Не хочу тебя пугать, — сказал я, — но, думаю, скоро начнется сильная буря.

Она посмотрела на меня с сомнением:

— Вчера тоже были тучи, и позавчера, Дэвид. Но они разошлись.

— Сегодня не разойдутся.

— Ты уверен?

— Если буря будет очень сильной, нам придется спуститься вниз.

— А насколько сильной, ты думаешь, она будет?

Мой отец первым построил на этой стороне озера настоящий дом, где можно было жить круглый год. Еще мальчишкой он с братьями поставил на том месте, где сейчас дом, летний коттедж, но в 1938 году буря разрушила его до основания, даже каменные стены не уцелели. Остался только лодочный сарай. Через год он начал строить этот дом. Обычно больше всего разрушений приносят деревья. Они умирают, и ветер вырывает их с корнем. Видимо, таким образом природа периодически наводит у себя порядок.

— Не знаю, — сказал я, что в общем-то было правдой, поскольку о большой буре тридцать восьмого я слышал толь-

ко рассказы. — Но ветер с озера может разогнаться, как скорый поезд.

Чуть позже вернулся Билли, жалуясь, что играть на турнирете неинтересно, потому что он «весь взмок». Я взъерошил ему волосы и открыл для него еще одну бутылку пепси. Можно сказать, прибавил работы нашему дантисту.

Тучи подбирались ближе, распахивая голубизну неба в стороны. Никаких сомнений, что будет буря, у меня не осталось. Нортон выключил свой радиоприемник. Билли, зачарованно глядя на небо, сидел между нами. Медленно прокатившись над озером и вернувшись эхом назад, прогремел гром. Тучи вились и перекатывались: черные, фиолетовые, полосатые и снова черные. Вскоре они нависли над озером, и я увидел, как из них посыпалась тонкая завеса дождя. Но пока еще дождь был далеко. То, что мы видели, проливалось, может быть, над Болстерс-Миллс или над Норвеем.

Зашевелился воздух, неуверенно поднял флаг, затем снова отпустил. Но становилось свежее, и вскоре ветер окреп, сначала охладив наши потные тела, а чуть позже, как стало казаться, просто начав их замораживать.

Вот в этот момент я увидел бегущий по озеру серебристый смерч. За несколько секунд пелена дождя закрыла собой Харрисон и двинулась прямо на нас. Моторные лодки к тому времени уже все ушли.

Билли вскочил со своего кресла — миниатюрной копии наших «директорских» с его именем на спинке.

— Папа! Смотри!

— Пойдем в дом, — сказал я, встал и положил руки ему на плечи.

— Но ты видишь? Пап, что это?

— Водяной смерч. Пойдем.

Стефф бросила на меня короткий удивленный взгляд и сказала:

— Пойдем, Билли. Папу надо слушаться.

Мы прошли в гостиную через раздвижные стеклянные двери, после чего я закрыл их на защелку и остановился, глядя наружу. Серебристая завеса уже прошла три четверти пути через озеро, превратившись в бешено крутящуюся воронку

между оседающим черным небом и поверхностью воды цвета свинца с потеками чего-то белого. Озеро делалось похожим на океан, высокие волны бежали на берег, фонтанами брызг разбиваясь о причалы и волнорезы. В середине же озера волны вскипали перекатывающимися белыми гребнями.

Смерч завораживал. Он подобрался почти к нашему берегу, когда молния полыхнула так ярко, что еще, наверное, с полминуты я видел все, как на негативной пленке. Телефон испуганно звякнул. Я обернулся и обнаружил, что жена с сыном стоят напротив большого панорамного окна с видом на северо-западную часть озера.

И тут меня посетило одно из тех ужасных видений, что, наверное, уготованы лишь мужьям и отцам: стекло, взрывающееся внутрь с тяжелым, похожим на кашель треском; кривые стрелы осколков, летящие в обнаженный живот жены и в лицо сына. Никакие ужасы инквизиции не сравнятся с судьбами близких людей, которые может нарисовать обеспокоенное воображение.

Я схватил их обоих за руки и рывком оттащил от окна.

— Что вы встали тут, черт побери? Марш отсюда!

Стефф посмотрела на меня удивленно, а Билли выглядел так, словно его только что пробудили от глубокого сна. Я отвел их на кухню и включил свет. Снова коротко звякнул телефон.

И тут налетел ветер. У меня создалось впечатление, что дом взлетает, словно «Боинг-747». Где-то засвистело высоко и протяжно, срываясь на басовый рев перед тем, как снова плавно перейти в пронзительный визг.

— Идите вниз, — сказал я Стефф, но теперь приходилось кричать, чтобы меня услышали. Прямо над домом захлопал, словно громадными досками, гром. Билли вцепился в мою ногу.

— Ты тоже иди! — крикнула в ответ Стефф.

Я кивнул и махнул рукой, прогоняя их. С трудом оторвал Билли.

— Иди с мамой. Я хочу на всякий случай найти свечи.

Он пошел за ней вниз, а я принялся рыться в ящиках. Странные штуки эти свечи. Кладешь их каждую весну в определенное место, зная, что из-за летней бури может нару-

шиться энергоснабжение, но, когда приходит время, они прячутся.

Четвертый ящик. Пол-унции «травки», что мы со Стефф купили четыре года назад и с тех пор почти не трогали, заводные игрушечные челюсти, купленные для Билли в магазине новинок; куча фотографий, которые Стефф давно уже собиралась наклеить в семейный альбом. Я заглянул под толстенный торговый каталог и пошарил рукой за резиновой куклой, сделанной в Тайване. Куклу я выиграл, сбивая кегли теннисными мячами...

Свечи, все еще упакованные в полиэтиленовую обертку, оказались за этой самой куклой со стеклянными неживыми глазами. Как раз в тот момент, когда я их нащупал, свет погас, и электричества, кроме того, что бушевало в небе, не стало. Гостиную то и дело озаряло сериями частых белых и фиолетовых вспышек. Я услышал, как внизу заплакал Билли и Стефф начала говорить ему что-то успокаивающее.

Мне захотелось еще раз взглянуть на непогоду за окном.

Смерч или уже прошел, или иссяк, добравшись до берега, но все равно дальше двадцати ярдов на озере ничего не было видно. Вода буквально кипела. Мимо пронесло чей-то причал — видимо, Джессеров, — то разворачивая сваями вверх, то вновь скрывая его под бурлящей водой.

Как только я спустился вниз, Билли снова обхватил меня за ноги. Я взял его на руки и прижал к себе, потом зажег свечи. Сидели мы в комнате для гостей, через коридор от моего маленького кабинета. Сидели, глядя друг на друга в мигающем желтом свете свечей, и слушали, как буря воеет снаружи и бьется в наш дом. Минут через двадцать послышался сухой треск рвущегося дерева, и мы поняли, что где-то рядом упала одна из больших сосен. Затем наступило затишье.

— Все? — спросила Стефф.

— Может быть, — сказал я. — А может быть, еще нет.

Все втроем мы поднялись наверх, каждый со свечой в руке, словно монахи, идущие на вечернюю молитву. Билли нес свою свечу осторожно, но с гордостью: нести свечу, то есть огонь — для него это много значило. И помогало забыть, что ему страшно.

В комнате не хватало света, чтобы разглядеть, какой ущерб нанесен дому. Билли уже давно было пора спать, но ни я, ни Стефф не стали предлагать ему укладываться. Мы просто сидели в гостиной, слушали ветер и наблюдали за молниями.

Примерно через час ветер снова начал крепчать. В течение предыдущих трех недель держалась температура около девяноста градусов*, и шесть раз за эти двадцать с лишним дней станция Национальной метеорологической службы в Портленд-Джетпорте сообщала, что температура перевалила за сто. Невероятная погода. Плюс суровая зима, плюс поздняя весна — и люди опять заговорили о том, что все это последствия испытаний атомных бомб в пятидесятых годах. Об этом и еще, разумеется, о конце света. Самая старая из всех баек.

Второй шквал оказался не таким сильным, но мы услышали, как падают несколько деревьев, ослабленных первой атакой ветра. И, когда ветер начал уже совсем стихать, одно из них рухнуло на нашу крышу. Билли подскочил и с опаской поглядел на потолок.

— Он выдержит, малыш, — сказал я.

Билли неуверенно улыбнулся.

Около десяти налетел последний шквал. Ветер взревел так же громко, как в первый раз, а молнии, казалось, засверкали прямо вокруг нас. Снова падали деревья. Недалеко от воды что-то рухнуло с треском, и Стефф невольно вскрикнула. Но Билли продолжал спать у нее на коленях.

— Дэвид, что это было?

— Я думаю, лодочный сарай.

— О Боже...

— Стеффи, пойдем вниз. — Я взял Билли на руки и встал. Стефф смотрела на меня большими испуганными глазами.

— Дэвид, все будет хорошо?

— Да.

— Правда?

— Да.

Мы отправились вниз. И через десять минут, когда шквал достиг максимальной силы, сверху донесся грохот и звон раз-

* 90 градусов по Фаренгейту соответствуют примерно 32 градусам Цельсия. — *Здесь и далее примеч. пер.*

битого стекла: разлетелось панорамное окно. Так что привидевшаяся мне сцена, может быть, вовсе и не была столь нелепой. Стефф, которая к тому времени задремала, вскрикнула и проснулась. Билли заворочался на постели для гостей.

— Комнату зальет дождем, — сказала она. — Мебель испортит..

— Испортит — значит испортит. Мебель застрахована.

— Мне от этого не легче, — произнесла она расстроено. — Шкаф твоей матери... Наш новый диван... Цветной телевизор.

— Ш-ш-ш, — сказал я. — Спи.

— Не могу, — ответила она, но минут через пять уснула.

Я не ложился еще с полчаса, оставив для компании одну горящую свечу, и сидел, слушая, как бродит, бормоча, снаружи гром. Нетрудно было представить себе, как завтра утром множество людей, живущих вокруг озера, начнут вызывать своих страховых агентов, как зажужжат бензопилы владельцев домов, чьи крыши и окна порушило падающими деревьями, как на дорогах появятся оранжевые машины энергокомпаний.

Буря стихала, и вроде бы нового шквала не предвиделось. Оставив Стефф и Билли, я поднялся наверх посмотреть, что стало с комнатой. Раздвижная дверь выдержала, но там, где было панорамное окно, в стекле зияла рваная дыра, из которой торчали ветки березы — верхушка старого дерева, стоявшего во дворе у входа в погреб с незапамятных времен. И я понял смысл реплики Стефф, когда она сказала, что ей не легче от того, что у нас все застраховано. Я любил это дерево. Много суровых зим мы пережили с ним — единственным деревом на нашем берегу, которое я никогда даже не думал спиливать. В лежащих на ковре больших кусках стекла многократно отражалось пламя свечи, и я подумал, что нужно будет обязательно предупредить Стефф и Билли: оба они любили шлепать по утрам босиком.

Я пошел вниз. В ту ночь мы все трое спали на кровати для гостей, мы со Стефф по краям, Билли между нами. И мне снилось, будто я вижу, как по Харрисону, на другом берегу, идет Бог. Такой огромный, что выше пояса он терялся в чистом голубом небе. Во сне я слышал хруст и треск ломающихся де-

ревьев, которые Бог вдавливал в землю огромными ступнями. Он шел по берегу, приближаясь к Бриджтону, к нам. Дома, коттеджи, беседки на его пути вспыхивали фиолетово-белым, как молнии, пламенем, и вскоре все вокруг затянуло дымом. Белым, похожим на туман дымом.

Глава 2

ПОСЛЕ БУРИ. НОРТОН. ПОЕЗДКА В ГОРОД

— О-о-о! — вырвалось у Билли.

Он стоял у забора, отделявшего нас от участка Нортон, и смотрел вдоль подъездной аллеи, ведущей к нашему дому. Аллея эта, длиной около четверти мили, выходит на грунтовую дорогу, которая через три четверти мили, в свою очередь, выходит на двухрядное шоссе, называющееся Канзас-роуд. Оттуда уже вы можете ехать куда угодно или по крайней мере до Бриджтона. Я взглянул в ту же сторону, куда смотрел Билли, и у меня похолодело сердце.

— Ближе не подходи, малыш. Даже здесь уже слишком близко.

Билли спорить не стал.

Утро было ясное и чистое, как звук колокола. Небо, сохранившее, пока стояла жара, какой-то размытый пористый вид, вернуло свою глубокую, свежую, почти осеннюю голубизну. Дул легкий ветерок, от которого по дороге весело бегали чередующиеся пятна солнечного света и теней от деревьев. Недалеко от того места, где стоял Билли, из травы доносилось шипение, и на первый взгляд могло показаться, что там извивается клубок змей: ведущие к нашему дому провода оборвались и лежали теперь беспорядочными витками всего в двадцати футах от нас на участке выжженной травы. Изредка они лениво переворачивались и плевались искрами. Если бы пронесшийся ливень не промочил деревья и траву столь основательно, дом мог бы загореться. А так траву выжгло лишь на почерневшей проплешине, где спутались провода.

— *Лектричество* может убить человека, пап?

— Да. Может.

— А что мы будем с ним делать?

— Ничего. Подождем машину энергокомпании.

— А когда они приедут?

— Не знаю. — У пятилетних детей вопросов бывает хоть отбавляй. — Думаю, сегодня утром у них полно забот. Хочешь пройтись со мной до конца аллеи?

Он двинулся за мной, потом остановился, с подозрением глядя на провода. Один из них выгнулся и лениво перевернулся, словно приманивая к себе.

— Пап, а *электричество* может пройти через землю?

Справедливый вопрос.

— Да, но не беспокойся. Электричеству нужна земля, а не ты. Все будет в порядке, если ты не станешь подходить близко.

— Земля нужна... — пробормотал он, подбежав ко мне, и мы, взявшись за руки, пошли вдоль аллеи.

Все оказалось несколько хуже, чем я ожидал. В четырех местах на дорогу упали деревья: одно маленькое, два средних и еще одно совсем старое, толщиной, наверное, футов в пять, облепленное мхом, словно гнилым корсетом.

Ветки с наполовину ободранными листьями валялись повсюду, и мы с Билли дошли до самой грунтовой дороги, отбрасывая те, что были не очень большие, обратно в заросли. Все это напомнило мне события одного летнего дня, случившиеся около двадцати пяти лет назад. Я тогда, видимо, был не старше чем Билли сейчас. В тот день собрались все мои дяди и с самого утра ушли в лес с топорами и резаками вырубать кустарник. После работы все уселись за стол на козлах, что мои родители держали на улице, и уничтожили чудовищное количество сосисок, пирожков с мясом и картофельного салата. Пиво лилось рекой, и дядя Рубен нырнул в озеро прямо в одежде и в ботинках. В те дни в лесу еще водились олени.

— Пап, можно, я пойду к озеру?

Он устал бросать ветки, а когда ребенок устает что-то делать, единственный разумный способ занять его — это разрешить делать что-то другое.

— Конечно.

Мы вместе вернулись к дому, и оттуда Билли побежал направо, обогнув дом и упавшие провода по широкой дуге, а я пошел налево. К гаражу, где хранился мой «маккаллох». Как я и предвидел, вдоль всего берега озера уже запели свою заунывную песню бензопилы соседей. Я залил бак пилы горючим, снял рубашку и двинулся было к аллее, но тут, озабоченно глядя на повалившиеся деревья, вышла из дома Стефф.

— Как там?

— Справлюсь. Как дома?

— Я убрала стекла, но, Дэвид, ты должен сделать что-нибудь с березой. Дерево в гостиной будет нам мешать.

— Пожалуй, ты права, — сказал я.

Мы посмотрели друг на друга и расхохотались, стоя под яркими лучами утреннего солнца. Я поставил пилу на бетонированную площадку у крыльца и поцеловал Стефф, крепко обхватив ее за ягодицы.

— Не надо, — прошептала она. — Билли...

В тот же момент он выскочил из-за угла дома.

— Папа! Папа! Иди посмотри...

Стеффи заметила оборванные провода и закричала, чтобы он был осторожнее. Билли, бежавший достаточно далеко от них, остановился и поглядел на свою мать так, словно она сказала какую-то глупость.

— Все в порядке, мама, — произнес он таким тоном, каким люди обычно успокаивают очень старых и глупых, и двинулся к нам, демонстрируя, что с ним действительно все в порядке.

Я почувствовал, как Стефф задрожала.

— Не волнуйся, — сказал я ей на ухо. — Я его предупредил.

— Да, но людей постоянно убивает ток, — сказала она. — По телевизору все время предупреждают про оборванные провода, но люди... Билли, немедленно иди домой.

— Да ладно тебе, мам! Я хочу показать папе лодочный сарай. — Глаза его просто лезли из орбит от возбуждения и обиды. Преисполнившись ощущения апокалипсиса, принесенного бурей, он хотел теперь им поделиться.

— Иди домой! Эти провода опасны и...

— Папа сказал, что им нужна земля, а не я...

— Билли, не спорь со мной!

— Я сейчас приду посмотрю, малыш. Ты пока беги. — Я почувствовал, как напряглась Стефф. — С другой стороны дома.

— Ага. Ладно.

Он пронесся мимо нас, перескакивая через две ступеньки по лестнице, огибающей дом с западной стороны. Рубашка вылезла у него из брюк; он скрылся за углом, и вскоре оттуда донеслось еще одно «О-о-о!», свидетельствующее о том, что он обнаружил новые следы разрушения.

— Он знает про провода, Стеффи, — сказал я, положив руки ей на плечи. — Он их боится, и это хорошо, потому что так он будет в безопасности.

По щеке ее скатилась слеза.

— Я тоже боюсь, Дэвид.

— Ну что ты. Все уже кончилось.

— Ты уверен? Зима была плохая... И поздняя весна... В городе ее называют Черной Весной, говорят, такого в здешних местах не было с 1888 года...

«Говорят» — это наверняка имеется в виду миссис Кармоди, владелица «Бриджтонского антиквариата», магазинчика со всяким хламом, куда Стефф иногда заглядывала. Билли всегда с радостью ходил с ней. Там, в глубине магазинчика, в одной из темных пыльных комнат «жили» чучела сов с окаймленными золотым блеском глазами, навсегда расправившие крылья и ухватившиеся лапами за полированные сучья; трио енотов, стоящих у «ручья», сделанного из длинного куска порывшегося пылью зеркала; и даже изъеденное молью чучело застывшего в ледящем душу вечном молчаливом рыке волка, из пасти которого вместо слюны падали опилки. Миссис Кармоди уверяла, что волка еще в 1901 году застрелил ее отец, когда зверь пришел напиться у ручья Стивен-Брук.

Эти экспедиции в антикварную лавку доставляли и жене, и сыну массу удовольствия. Стефф отводила душу, перебирая стеклянные украшения, а Билли изучал «смерть во имя таксидермии». Однако мне всегда казалось, что старуха довольно неприятным образом влияет на здравомыслие Стефф, которая во всех других отношениях была практична и рациональна. Старухе просто удалось найти ее слабое место, ахиллесову пяту